

С Днём Великой Победы!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Советский медик

ГАЗЕТА ВЫХОДИТ
С 5 ДЕКАБРЯ 1955 г.

ОРГАН ПАРТКОМА, РЕКТОРАТА, ПРОФКОМА, КОМИТЕТА КОМСОМОЛА И ПРОФКОМА СТУДЕНТОВ
МИНСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА

№ 16(1383)

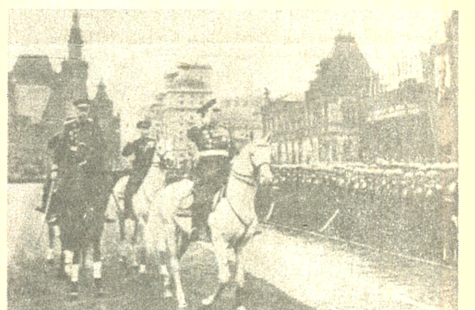
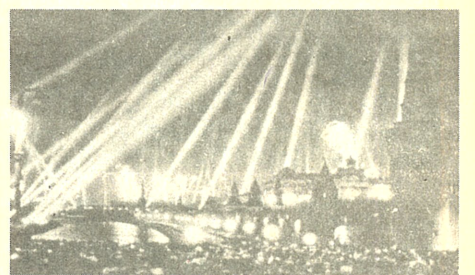
7 МАЯ 1990 года

Цена 2 коп.

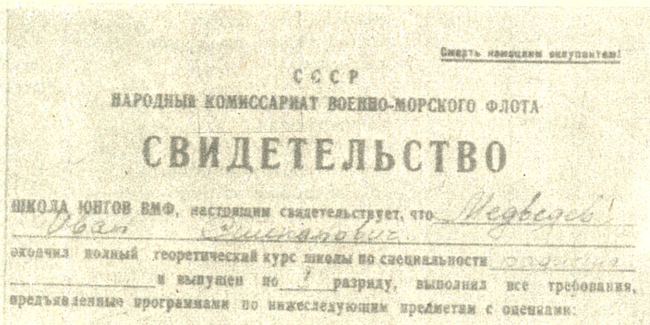
45 ЛЕТ прошло со времени разгрома фашистской Германии, а память неизменно возвращает нас в то суровое, безжалостное военное время. Слишком дорогой ценой был оплачен долгожданный, светлый день Победы и поэтому очень хочется, чтобы слова «Ничто не забыто, никто не забыт!» звучали вечно. Неслучайно и этот объемный номер газеты мы целиком посвящаем тем, кто защищал Родину от врага.

Слово знакомой команды
Слышу опять и опять.
Вносится Знамя Победы,
К выносу знамени —
встать!
Встать перед теми,
кто падал
Грудью на лающий дот.
Кто из трясин
новгородских
К нам никогда не придет.
Кто на речных переправах
Шел, словно камень,
ко дну.
Кто на века безымянный,
Канул в фашистском
плени.
Кто согревался дыханьем
В стужу блокадных
ночей.
Кто улетал вместе
с дымом
Из бухенвальдских печей.
Кто перехватывал с ходу
Корсунь-Шевченковский
шлях.
Кто подрывался
на минных,
Смертью набитых полях.
Кто, ослепленный ракетой,
Вдруг попадал
под обстрел,
Кто в умирающем танке
Вместе с броней горел.
Кто зарывался в траншеи,
Землю ногтями скребя.
Шквальный огонь
«фердинандов»
Как бы приняв на себя.
Кто ради правого дела
Сердце отдать был готов,
Кто под машины ложился
Вместе понтонных мостов,
Кто за родные пределы
Гнал чужеземную рать...
Вносится Знамя Победы.
К выносу знамени —
встать!
М.МАТУСОВСКИЙ.

Морская душа всегда молодая

ОН не молод, за плечами — десятки трудовых лет, война, Военно-Морской Флот. Вот и сейчас, увидит на ладном матросе бескозырку — и память, словно бронекатер, на котором воевал, бороздит волны минувшей жизни... Суровое военное время, Солонечные острова, водный простор и они, будущие юнги, овладевающие азами морского дела. Тогда Ване не было и шестнадцати, но форма прибавляла статность, помогала взрослеть. В славной школе юнг вместе с ним мужал и пятнадцатилетний Валентин Пикунь — один

из популярных современных писателей.

Впоследствии, на бронекатере, много раз уносившем в атаку, Ваня всегда стремился туда, где было опасней.

Суровая военная Балтика с ее частыми штормами, свинцовой тяжестью шквала, ураганным огнем орудий запомнилась на всю жизнь. Эхо тех дней — орденские планки с муаровыми лентами. Они украшают штатский костюм бывшего моряка. И пусть он сейчас без тельняшки, бушлата, форменного кителя, но все равно угадываются в коренстой фигуре прежняя вы-

правка, уверенная походка, присущие тем, кто служил на флоте. Закалка, полученная на флоте, всегда помогла Ивану Степановичу в мирной жизни.

Гражданская его специальность тоже связана со стихией, только не с морской. В распоряжении Ивана Степановича Медведова скромное мирное оружие — огнетушители и еще масса наглядных пособий, пропагандирующих соблюдение противопожарных мер. Они настояраживают, предупреждают. То же делает и старший инженер И. С. Медведов, бывая повсюду и контролируя состояние про-

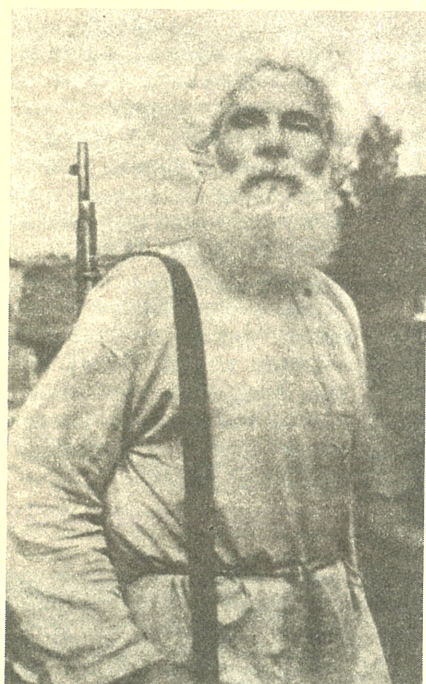
тивопожарной безопасности огромного хозяйства института. А сколько к тому же партийных и других общественных поручений выполняет этот неутомимый человек!

Есть у него и «хобби» — зеленый островок у дачи. Тут он любит колдовать на грядках в часы досуга. Но стоит подуть ветру — и ему тогда кажется, что это налетел солонный морской бриз, принесший привет с тех мест, где он сражался за свободу любимой Родины и мир на Земле.

С. ФЕЛЬДМАН,
председатель профбюро АХЧ.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ВАМ, МИР ОТСТОЯВШИЕ!

Велик вклад медиков в дело победы над фашизмом. Благодаря их самоотверженному труду, героизму более 10 миллионов раненым защитникам Родины была оказана необходимая помощь, и 72% из них возвратились в строй.

В годы войны в рядах Красной Армии служило более двухсот тысяч врачей и пятьсот тысяч средних медицинских работников. Среди тех, кто в первые же тяжелые дни пришел в военкоматы с просьбой послать его на фронт, были и недавние выпускники медвузов, медучилищ и маститые ученые, медицинские специалисты с большим опытом и стажем работы.

В рядах Красной Армии находилось четыре академика, двадцать два заслуженных деятеля науки, 306 докторов медицинских наук, 275 профессоров, 558 доцентов, 1199 кандидатов медицинских наук. «Ни одна армия в мире не имела в прошлом, да и в настоящем такого количества ученых, профессоров, академиков, работавших непосредственно на фронтах, как наша Советская Армия», — отмечал Н. Н. Бурденко.

И все же наибольшую тяжесть войны вынесли на своих плечах медицинские сестры, рядовые военные врачи. К числу их относится и Мария Петровна Станкевич.

...Молоденькая хрупкая девушка в мыслях намного обгоняла этот длинный скорый поезд, который вез ее к тетке на Урал. Вот она кружится в первом танце любви, вот выходит на порог медицинского техникума в нарядном платье, а вот уже она сдает экзамен в институт и впереди у нее новая, интересная и веселая студенческая жизнь. Легко и весело мечтается в неполные шестнадцать, замечаясь вокруг себя только все прекрасное: солнце, цветы, пенье птиц и теплый дождь.

Мария была счастлива. И не знала она, что с первой любовью повстречается только через несколько опаленных войной лет, что медицинский институт, в который она поступит, ей не суждено будет окончить, учебные помешают жизненные обстоятельства, которые в народе называют полосой невезения.

Мария Петровна Станкевич... Это о ней и о ее сверстниках Давид Самойлов написал проникновенные поэтические строки:

Как это было! Как совпало — Война, беда, мечта и юность! И это все в меня запало И лишь потом во мне очнулось!..

Добровольцем ушла на войну Мария Петровна. Вначале военный госпиталь, а потом легендарная «санлечка» — поезд-товарняк, приспособленный для эвакуации раненых. Первый раз войдя в него, Марии Петровне невольно вспомнилось уютное купе пассажирского скорого, в котором она недавно окуналась в сладкие грезы. Но Мария Петровна быстро отогнала от себя столь несвоевременные мысли: «То был мир, а сейчас — крошечный ад. Придется привыкать». А привыкать пришлось не только к жесткой кровати товарняка, напоминавшей нары, привыкать пришлось еще и к слезам взрослых крепких мужчин, к юным безусым парням, лишавшимся во цвете лет руки или ноги и моливших сестричек не смотреть на их изуродованные тела.

— Главное было перебороть страх и уверовать, что несмотря ни на что, останешься жив, — говорит Мария Петровна. — Едешь, бывало, и прислушиваешься к каждому звуку, который доносится снаружи. Вдруг самолет? Тогда жди своей участи. Спрыгнуть с поезда нельзя. Раненые — это уже как бы твоя кровинка, частичка тебя. Оставишь их одних — вовек потом себе не простишь.

«Санлечка» так и не долетела до светлого победного дня. В 1943 году вражеские самолеты забросали ее бомбами. Из пятнадцати человек обслуживающего медицинского персонала в живых остались только четверо — в том числе и Мария Петровна Станкевич.

После «санлечки» был 409-й медсанбат 3-го Белорусского

фронта. Работала М. П. Станкевич там в хирургическом отделении операционной медсестрой.

Аня Винокурова, Полина Расоха, Аня Чувашко, Тарасова... Где они теперь, верные военные подружки? Как сложились их судьбы? Живы ли? Вспоминают ли «Машу-белоруску»?

«Маша — белоруска»

Так звали в медсанбате Марию Петровну.

— Как бы хотела их я сейчас увидеть, — вздыхает она. — Ведь это моя молодость. Знаете, какими мы певуньями были?! «Землянка», «Синий платочек», «Молдаванка»... Ездили на передовую, выступали перед бойцами. Я и сейчас с песней не расстаюсь.

Мария Петровна, таинственно улыбнувшись, тихонько напевает: «Дальневосточная, опора прочная... И все, что кровью завоевано, мы никогда врагу не отдадим».

— Раненые в медсанбат поступали и днем, и ночью. Поэтому за операционным столом иногда приходилось стоять сутками. Только почувствовав, что

ноги подводят и начинаешь мягко опускаться на пол, ухаживали девочки подражать несколько часов. Трудно представить, как вынесли они на своих хрупких плечах все тяготы войны, — рассказывает Мария Петровна.

Она помнит почти каждого своего подопечного, помнит его глаза, голос.

— Вы так похожи на мою сестру, — словно слышится ей голос из прошлого.

— Вы напоминаете мою де-

вушку. Она так похожа на вас. И тоже Марией зовут, — доносится еще один знакомый голос.

— Чаще всего мне мертвые вспоминаются, — говорит Мария Петровна. — Во сне даже разговариваю с ними. Странно, почему так?

На руках у молоденькой медсестры не раз умирали ее ровесники, те, кому еще, казалось, жить да жить: строить дома, обзаводиться семьей. А их нецелованные губы уже шепчут: «Я знаю, что умру. Напишите после войны по адресу...»

Люди, пережившие войну, наверное, никогда не смогут назвать себя счастливыми, ибо в их понимании счастье — категория всеобщая, и когда в беде твой брат, друг или просто знакомый, почувствовать себя счастливым все равно не удастся.

Семью мужа Марии Петровны — мать, отца, сестру — каратели сожгли вместе с другими жителями деревни с красивым белорусским названием Лесины. В этих сказочно прекрасных местах (сейчас это Логойский район) наши деды и прадеды копали очень глубокие колодцы: чтобы вода была по-светлей да попрохладней. Немцы с расчетливостью палача использовали эти несущие жизнь творения рук человеческих для своих варварских целей. Они хва-

ших самую страшную за всю историю человечества войну и не ставших перед фашизмом на колени, вспоминаем все реже: мол, на войне как на войне и зачем опять об этом начинать разговор. Цветочки, поздравительные открытки, значки, иногда книжки — вот, пожалуй, и все, что мы преподносим из года в год нашим ветеранам, а настоящей заботы и внимания к ним нет.

— Вашему поколению повезло: гласность, плюрализм... Так и должно быть, — говорит Мария Петровна. — Нам сложнее было. Мы не рассуждали. Дан приказ — выполняй. Слово кто-то невидимый руководил нашими поступками и даже мыслями. Но была и дружба, и любовь, и порядочность — все очернять тоже нельзя.

Мария Петровна протягивает мне свою недавнюю фотографию: длинная гордая шея, добрые глаза, мягкий взгляд, а на груди — награды: ордена Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», значок «Отличник медицинской службы». Как

самые дорогие реликвии хранит их Мария Петровна.

Почти сорок пять лет проработала Мария Петровна Станкевич в нашем институте. Ее трудовая книжка хранит только одну запись: «лаборант кафедры патологической физиологии». «Добрая, отзывчивая, скромная, — говорят о ней коллеги по работе. — Таким, как Мария Петровна, в жизни надо так мало: чтобы дети жили дружно да было мирным небо над головой».

Е. КУКАРЕКО.

ЦВЕТЫ ОТ МЕДСЕСТРЫ

Мне реже снится все война, А больше в маках — мир, Не медсестрица та одна, Не в каске командир.

Но только дьявольски блеснет Вновь пушками гроза, Душу тревожно всколыхнет, И не сомкнуть глаза.

Фитиль копилки фронтовой, Блиндаж, тройной накат, Зловещий стон — снарядный вой — Представил вдруг солдат.

И ярость вражеских атак — Свинцовый в лоб таран, С крестом сестрицу, что никак Кровь не уймёт из ран.

И полумертвый шепот губ, Бьет сквозь шинель фонтан. Был очень смел, хотя и груб, Наш ротный — капитан.

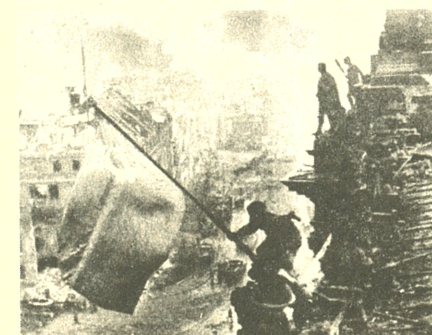
Я на могилу прихожу К нему который год, Как будто все еще служу Там, где стоял наш взвод.

У обелиска, под сосной, Всегда горят костры — Живо радугой сплошной Цветы от медсестры.

З. БРУК.

ПОМНИТ МИР СПАСЁННЫЙ КАК ВЫ ВОЕВАЛИ!

ПАМЯТЬ. Она постоянно напоминает нам о том суровом, жестоком времени. Память — в наших сердцах, в бронзе и граните обелисков, на площадях городов и сел, на перекрестках дорог, везде, где пролилась кровь патриотов, сражавшихся за нашу священную Родину, во имя свободы и мира. Для всех советских людей, — и переживших войну, и родившихся в мире — эта память священна.

Я прошел с боями от Москвы до Праги в составе 478 отдельного саперного батальона 336 стрелковой дивизии.

Самым тяжелым, трагическим для нашей отчизны было первое полугодие Великой Отечественной войны. Все свои силы враг сосредоточил для захвата столицы нашей Родины — Москвы. Советские воины, народные ополченцы грудью встали на пути врага. Отстаивая каждую пядь подмосковной земли, они проявили беспримерную стойкость и мужество. Но силен был и враг, он бросал в огонь ожесточенных сражений все новые соединения. Над столицей нашей Родины нависла смертельная опасность — враг стоял у самых ее ворот. Москва превращалась в прифронтовой город. Почти непрерывными стали воздушные бомбардировки, а некоторые окраины города подверглись артиллерийским обстрелам. Но враг не долго торжествовал.

12 декабря 1941 г. Московское радио сообщило: «6 декабря 1941 г. войска Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления эти группировки разбиты и спешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери».

Участником этих исторических событий довелось быть и мне.

Первый бой, говорят, — самый трудный, за ним пойдут другие, но они будут легче. В нем про-

верялось все: смелость, выдержка, умение владеть собой и выручать боевых друзей. Мой первый бой был под Можайском. Декабрь 1941 года запомнился на всю жизнь. Под шквальным пулеметным огнем противника пришлось вынести с поля боя 23 бойца и командира и оказать им медицинскую помощь.

Продвигаясь с боями и освобождая захваченные врагом на-

править танкоопасное направление. С наступлением темноты, 24 апреля 1943 года, рядовые Н. Карманов, М. Хафизов, И. Малиновский под командованием старшего лейтенанта Н. Борисенко отправились в указанный район. Вышли на нейтральную зону полосы обороны и началась работа: один стал выкапывать лунки, другой подносить мины, третьи устанавливать их на мес-

кими саперами. После небольшой задержки на передовой мы с ними отправились на командный пункт стрелкового батальона. Вот и командный пункт. Спустились по ступенькам в землянку — блиндаж. За столом сидел полковник А. Н. Корнеев. Старший лейтенант Н. Борисенко доложил ему о взятии пленников. Командир полка был рад такому подарку, так как командо-

«Сапёр должен уметь всё...»

то, вставлять взрыватели и маскировать.

Поначалу все шло гладко. И вдруг командир взвода увидел, что какая-то группа людей, человек восемь, приближается к нам. Кто это? Возможно наши разведчики возвращаются с ночного поиска? Подождав немного, окликнули их, потребовали назвать пароль. В ответ на требование поднять руки и сдаться приближающаяся горстка бойцов, а ими оказались гитлеровцы, моментально залегла и открыла огонь. Группа саперов, не мешкая, рассредоточилась и, заняв оборону, начала ответную стрельбу. На той стороне послышались стоны.

Неизвестно, сколько бы продолжалась эта яростная дуэль, если бы с нашей передовой не заговорил станковый пулемет. Это боевое охранение пришло на помощь. Длинные очереди заставили врага поубавить воинственный пыл.

Малиновский подполз к Хафизову и предложил вместе с ним отсечь пару фашистов и захватить их в плен. Так и сделали. Выдвинулись по-пластунски вперед, отеснили огнем двоих из группы.

Пленные оказались вражес-

кие саперы. После небольшой задержки на передовой мы с ними отправились на командный пункт стрелкового батальона. Вот и командный пункт. Спустились по ступенькам в землянку — блиндаж. За столом сидел полковник А. Н. Корнеев. Старший лейтенант Н. Борисенко доложил ему о взятии пленников. Командир полка был рад такому подарку, так как командо-

вание соединения нуждалось в «языках».

Вскоре саперы вернулись на передовую и возобновили свою работу. Однако и на этот раз им не суждено было закончить минирование. Фашисты предприняли ночную атаку.

По нарастающему гулу моторов, лязгу гусениц и вспыхам орудийных залпов определили вероятное направление движения танков, и не теряя времени, стали спешно устанавливать мины на их пути.

В лунном свете показались четыре ползущие громадины. Следом шли пехотинцы. Атака поддерживалась огнем орудий.

Заговорила и наша противотанковая артиллерия.

Мы оказались между двух огней...

Неожиданно грохнул сильный взрыв. Головной танк закрутился на месте с перебитыми гусеницами. Это сработала заложная нами мина. За нею вскоре начали взрываться и другие.

За проявленную инициативу, смелость и находчивость все члены группы были награждены орденами.

В. ЗАВАДА,
ветеран Великой
Отечественной войны,
сотрудник ЦНИЛ.

«О смерти мы не думали»

«...ЧИСТУЮ человеческую душу не затоптать, не уничтожить жестокостью, равнодушием, насилием. Если вложены в душу доброта к близким и ненависть к врагам, она выживает. Кровью изойден, броней покроеся, но выдержит», — с этих слов начала свои воспоминания Маргарита Яковлевна Мышковская. Радости было у них ровно пополам с отчаянием.

После гибели отца все задания партизаны стали поручать Маргарите. В бригаде имени Калинина, которой командовал Анатолий Михайлович Алейник, была спецгруппа Филановича. Задания она получала из Москвы. С этой группой Мышковская и была связана. С пятнадцати до семнадцати лет Маргарита Яковлевна была связной партизанского отряда. Распространяла листовки, передавала сведения в отряд.

Давали поручения и более серьезные. Необходимо было доставлять магнитные мины подпольщикам Минска. Не один раз приходилось Маргарите Яковлевне в кошелке с яйцами и другими продуктами пронести мины в город. Доставляла она и оружие, собранное на местах боев, вместе с Виктором Александровичем Войцеховским, ныне профессором кафедры политической экономики Минской Высшей партийной школы. Был он всего лишь на год старше Мышковской.

Одним из самых опасных поручений было для Маргариты Яковлевны задание взорвать немецкую гарнизонную комендатуру на территории совхоза. Ей удалось незаметно подползти мину и взрывом была уничтожена большая часть здания, где хранилась немецкая документация.

Почти все близкие М. Я. Мышковской были расстреляны гитлеровцами. В память о погибших в годы Великой Отечественной войны на территории Крупницкого сельского совета, в деревне Кайково сейчас возвыша-

ется обелиск на месте штаба партизанского движения.

Суровыми были огненные годы военного лихолетья, но о смерти мы не думали. Наши люди выстояли, потому что свято верили в Победу, — замечает М. Я. Мышковская.

Продолжительное время Маргарита Яковлевна работала ассистентом кафедры ортопедической стоматологии. Сейчас — на пенсии. Но она не порывает связи с институтом, ведет большую военно-патриотическую работу среди молодежи.

С какой-то особой простотой, пониманием, присущими много повидавшим на своем веку людям, она передает молодежи свой опыт.

Война не уходит в забытие и для Леонида Степановича Величко, профессора кафедры ортопедической стоматологии. Он вправе сказать о себе словами:

«...ЧИСТУЮ человеческую душу не затоптать, не уничтожить жестокостью, равнодушием, насилием. Если вложены в душу доброта к близким и ненависть к врагам, она выживает. Кровью изойден, броней покроеся, но выдержит», — с этих слов начала свои воспоминания Маргарита Яковлевна Мышковская. Радости было у них ровно пополам с отчаянием.

После гибели отца все задания партизаны стали поручать Маргарите. В бригаде имени Калинина, которой командовал Анатолий Михайлович Алейник, была спецгруппа Филановича. Задания она получала из Москвы. С этой группой Мышковская и была связана. С пятнадцати до семнадцати лет Маргарита Яковлевна была связной партизанского отряда. Распространяла листовки, передавала сведения в отряд.

Давали поручения и более серьезные. Необходимо было доставлять магнитные мины подпольщикам Минска. Не один раз приходилось Маргарите Яковлевне в кошелке с яйцами и другими продуктами пронести мины в город. Доставляла она и оружие, собранное на местах боев, вместе с Виктором Александровичем Войцеховским, ныне профессором кафедры политической экономики Минской Высшей партийной школы. Был он всего лишь на год старше Мышковской.

Одним из самых опасных поручений было для Маргариты Яковлевны задание взорвать немецкую гарнизонную комендатуру на территории совхоза. Ей удалось незаметно подползти мину и взрывом была уничтожена большая часть здания, где хранилась немецкая документация.

Почти все близкие М. Я. Мышковской были расстреляны гитлеровцами. В память о погибших в годы Великой Отечественной войны на территории Крупницкого сельского совета, в деревне Кайково сейчас возвыша-

ется обелиск на месте штаба партизанского движения.

Суровыми были огненные годы военного лихолетья, но о смерти мы не думали. Наши люди выстояли, потому что свято верили в Победу, — замечает М. Я. Мышковская.

Продолжительное время Маргарита Яковлевна работала ассистентом кафедры ортопедической стоматологии. Сейчас — на пенсии. Но она не порывает связи с институтом, ведет большую военно-патриотическую работу среди молодежи.

С какой-то особой простотой, пониманием, присущими много повидавшим на своем веку людям, она передает молодежи свой опыт.

Война не уходит в забытие и для Леонида Степановича Величко, профессора кафедры ортопедической стоматологии. Он вправе сказать о себе словами:

«...ЧИСТУЮ человеческую душу не затоптать, не уничтожить жестокостью, равнодушием, насилием. Если вложены в душу доброта к близким и ненависть к врагам, она выживает. Кровью изойден, броней покроеся, но выдержит», — с этих слов начала свои воспоминания Маргарита Яковлевна Мышковская. Радости было у них ровно пополам с отчаянием.

После гибели отца все задания партизаны стали поручать Маргарите. В бригаде имени Калинина, которой командовал Анатолий Михайлович Алейник, была спецгруппа Филановича. Задания она получала из Москвы. С этой группой Мышковская и была связана. С пятнадцати до семнадцати лет Маргарита Яковлевна была связной партизанского отряда. Распространяла листовки, передавала сведения в отряд.

Давали поручения и более серьезные. Необходимо было доставлять магнитные мины подпольщикам Минска. Не один раз приходилось Маргарите Яковлевне в кошелке с яйцами и другими продуктами пронести мины в город. Доставляла она и оружие, собранное на местах боев, вместе с Виктором Александровичем Войцеховским, ныне профессором кафедры политической экономики Минской Высшей партийной школы. Был он всего лишь на год старше Мышковской.

Одним из самых опасных поручений было для Маргариты Яковлевны задание взорвать немецкую гарнизонную комендатуру на территории совхоза. Ей удалось незаметно подползти мину и взрывом была уничтожена большая часть здания, где хранилась немецкая документация.

Почти все близкие М. Я. Мышковской были расстреляны гитлеровцами. В память о погибших в годы Великой Отечественной войны на территории Крупницкого сельского совета, в деревне Кайково сейчас возвыша-

ется обелиск на месте штаба партизанского движения.

Суровыми были огненные годы военного лихолетья, но о смерти мы не думали. Наши люди выстояли, потому что свято верили в Победу, — замечает М. Я. Мышковская.

— Пока я жив, пока дышу, Я ту войну в себе ношу! Шестнадцатилетним парнишкой Леонид Величко вместе с

Л. ЖУК.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ВАМ, МИР ОТСТОЯВШИЕ!

САМООТВЕРЖЕННЫЙ труд медиков-фронтовиков, их постоянная готовность прийти на помощь раненым в любых сложных и опасных для их жизни боевых ситуациях, их мужество и героизм снискали всенародную любовь, признание. Это нашло яркое отражение в поэзии. Привожу лишь несколько отрывков из поэтических произведений, посвященных военным медикам:

Поэт Иосиф Уткин был ранен 16 сентября 1941 г. в бою под Ельней. Свое стихотворение он посвятил девушке-санструктору и назвал его «Сестра».

Когда упав на поле боя
Не во сне, а наяву,
Я вдруг увидел над собою
Живого взгляда синеву.

Когда склонилась надо мною
Страдания моего сестра,
Боль сразу стала не такою:
Не так сильна, не так остра.

Меня как будто оросили
Живой целительной водой,
Как будто надо мной Россия
Склонилась русой головой.

О нелегкой обязанности
санструктора на войне рассказывает и стихотворение М. Андреевой.

Я — простой санструктор
— батальонная медсестра,
Я — где раны, контузии,

где у смерти коса остра.
Я — не смею ее бояться,
хоть по сердцу дрожь.
Но и в этом нельзя

признаться
коль боишься — кого же
спасешь?

Привожу в сознание водкой
и бинтуя раны ребят,
Беспокойно, беспомощно,
робко на меня их глаза глядят.
Их ташу из-под носа у смерти,
задыхаясь в грязи и в поту,
И ругаюсь, как верно, черти
Не всегда ругались в аду.

Заслуженный деятель искусств РСФСР, композитор Е. Жарковский в своих воспоминаниях писал:

«В годы Великой Отечественной войны я служил на Северном фронте, был офицером. Помню самоотверженность и мужество медиков, которые заслужили глубокую благодарность и уважение наших моряков. Теме подвига медиков я посвятил ряд своих песен: «Женька», «Сверстница», «Санитарка» и другие. Написанную на слова врача-поэта Евгения Арисенко (он выпускник нашего института) песню «Сестры» я посвящаю всем медицинским сестрам...»

СЕСТРЫ

В дыму и пламени
Был гарнизон,
Девчата славные
Ушли на фронт.

Железо плавится
Горит броня...

Вы многих вынесли
Из-под огня!

Дорогой трудной,
Солдаты шли,
Домой с победой
Не все пришли.

Девчата сильные,
Вы на плечах

Крест-накрест лоб бинтами
перетянут,
Из-под повязки не видать лица,
Но скальпель проникал упрямо

в рану,
И снова билось сердце у бойца.

Рвались над медсанбатом

бомбы воя.
Забыв про сон, с утра и до

утра,
Шел дважды бой. Один — на

поле боя,
Другой — за жизнь при свете

фонаря.
Все было по условленному знаку.

Осипшим от волнения баском,
Случалось роту поднимал в

атаку,
Полз ночью по «ничьей»... за

языком».

И вот уж с командирского лица
Как тень сползает маска
Гиппократа.

И врач, когда набрякло тело,
Сказал свои последние слова:
— Все хорошо... конец венчает

дело.

Он будет жить... и рухнул

у стола.

Леонид Петрович однажды оказался у кладбища в Подмосковье возле Боровихи и увидел там несколько могил военных врачей, сложивших головы в период Великой Отечественной войны. Раздумьями о погибших коллегах-военврачах навеяно его стихотворение «Военврачи сороковых годов».

Живущие! Извечно их храните
В глазах и в душах матерей и вдов.

Храните в бронзе, в памяти,

в граните
Военврачей сороковых годов.

С петлицами зелеными и

«шпалами»,
С глазами, уставшими и

впалыми,
От бессонниц воспаленными,

С руками терпким йодом
задубленными.

В боях с невосполнимыми

утратами,
В огне с госпиталями,

медсанбатами,
Бессменно, с устремленьями

высокими,
В борьбе с кровопотерями

и шоками.

С нехваткой инструментов

и бинтов,
Поправ в себе сомнения

и страхи,
Коль надо рвали на бинты свои

рубахи
Военврачи сороковых годов.

На их руках солдаты умирали,

На их руках солдаты выживали.
Дано им знать жестокие уроки

Горчайших первых месяцев войны.

Как раны сердца черные воронки
В снегах невероятной белизны.

Где битва шла, в ночи не угасая,
У стен горящих сел и городов,
Стояли насмерть, раненых

спасая,
Военврачи сороковых годов.

Соратники-коллеги фронтовые,
Я видел вас в том праведном

бою,
В бессмертье идущими —...

живыми,
Я вас пою! Не реквием пою.

От имени подруг, что век

хранят вас милыми,
В своих сердцах возвышенными

силами,
От имени всех армий

и фронтов
Я вам поклясться верностью

готов,
Пред вашими священными

могилами,
Военврачи сороковых годов.

Публикацию подготовил

В. ВАХРУШЕВ,

ветеран войны
и Вооруженных Сил СССР.

ВОСПЕТЫ В СТИХАХ

Все беды вынесли
В суровый час.

Палаты белые,
Свет ночника,
На лоб пылающий
Легла рука.

Нам в годы мирные
Забывать нельзя
Пути, что пройдены,
Сестер глаза!

Э. Асадов в 1944 г. был ранен в боях за освобождение Севастополя и временно потерял зрение. Впоследствии написал поэму «Снова в строй» и стихотворение «Санпоезд», из которого мы приводим некоторые строки:

Санпоезд мчал, глотая расстояния,
Отбросив день, отбросив ночь назад,
Набитый человеческим страданием
Сомненьем и надеждами солдат.

На каждой полке топот, бред
и стоны,
На каждой полке думы без конца,
Сестрица шла неслышно вдоль

вагона
С лекарством, с теплым словом
для бойца.

А раненый думал много, обо всем,
Что ждет его? Что может он
предвидеть,
Как тяжело лежать перед окном,
Рукой стекла касаться... и не видеть.

Сестра все чаще думала над тем,
Как поддержать, как укрепить
в нем веру.

Нет зренья совсем у офицера
И он почти ни говорит ни с кем.

Проникновенные строки посвятил
военному врачу И. Неклюдов.

Контуженный под Вязьмой

и оглохший,
Не испытыв особенных удач,
Осколком мины вражеской под

Оршей
В который раз был ранен военврач.

Дорогой ратной от твердыни
волжской

Шел через смерть в

санбатовском строю

И расписался на рейхстаге

броско

Добавив и профессию свою.

Сборник стихов «Спасибо, доктор» также посвящен медикам военного времени. Примечательно то, что его автор Леонид Петрович Попов — полковник медслужбы запаса. В период войны он был врачом противотанковой бригады. Военные годы оставили в его душе неизгладимый след. Возникла настоятельная потребность рассказать о героическом ратном труде товарищей по профессии — военных врачей.

Пережитое, выстраданное, врезавшееся в память стало выливаться в поэтические образы, строки стихов. Со временем был издан сборник, некоторые стихи из которого публикуются ниже.

В стихотворении «Смерть врача» рассказывается о том, как хирург оперировал раненого командира полка. Но внезапно медсанбат был жестоко обстрелян... и он был смертельно ранен, однако завершил начатую операцию.

Но он стоял с гудящими висками,
С наплывами мертвящей синевы.
Уже отяжелевшими руками
Последние накладывая швы.

Он пробовал шутить
— мотор не тянет,
горючего не следует жалеть...
Сражался не с одной, с двумя смертями,
Что б первую успеть преодолеть.

Преодолеть! Не допустить

утраты!

Стоять! Стоять! Держаться до

конца!

Не раз бывал за линией фронта

дернуть за кольцо парашюта. Очнулся в госпитале и узнал, что командир погиб спасая членов экипажа и пассажиров.

А. Г. Оспенников тогда шел девятнадцатый. А первую строку в свою военную биографию он вписал еще раньше, в 1942-ом, когда стал курсантом военного пехотного училища в Орджоникидзе. Год там проучился и отправили эшеленом к линии фронта. Однако по пути следования поступил другой приказ: направить на переподготовку, осваивать мастерство десантника.

В ноябре 1943 года десантную бригаду спустили из-за облаков за линией фронта, чтобы обеспечить успешное продвижение

войск, освобождавших Киев. Приземлялись на вражеские штыки, в живых остались немногие. Посчастливилось и Оспенникову. Затем группу десантников, в которой оказался А. Г. Оспенников, влили в авиаполк Валентины Гризодубовой, где он летал башенным стрелком за линию фронта к партизанам до роковой новогодней ночи 1944-го...

Но по-прежнему бился пульс войны, и каждый стремился сделать как можно больше для полной победы над врагом. Нашлось с учетом здоровья и занятие для офицера Оспенникова — формировал маршевые роты фронту, выполнял и другие ответственные задания, во время которых приходилось встречать-

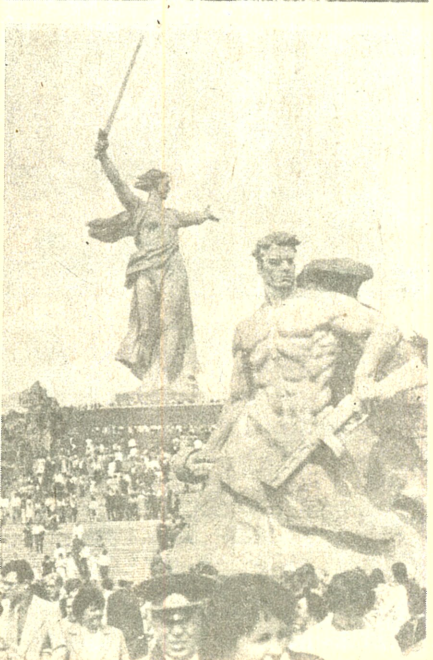
ся с известными военачальниками: Черняховским, Рокоссовским и др. Затем после войны служба в Средней Азии, Белоруссии. До выхода в отставку подполковник А. Г. Оспенников был инструктором штаба Белорусского военного округа.

С честью пройдя сквозь годы тяжелых военных испытаний, А. Г. Оспенников еще 30 лет не снимал шинели. Он удостоен за боевые подвиги в годы войны и ратный труд в мирное время двух орденов и восемнадцати медалей.

З. БРУК,
сотрудник МГМИ,
ветеран Великой
Отечественной войны.

САМОЛЕТ, где Александр Григорьевич Оспенников был башенным стрелком, подбили в новогоднюю ночь над самой линией фронта. Командир корабля в буквальном смысле вышиб его из люка, и так внезапно, что только в воздухе блеснула мысль

ПОМНИТ МИР СПАСЕННЫЙ КАК ВЫ ВОЕВАЛИ!

Что в жизни есть терпения трудней?

ОН не ходил в разведку брать «языка», не метал противотанковую гранату в узкую щель огнедышащего фашистского дзота. Да и из револьвера, что так гордо носил в кабуре у пояса, пожалуй, так и не выстрелил. Он не участвовал в боях. Впрочем, нет, в одном, беспощадном, долгом, он сражался — в бою со смертью, за жизнь раненых.

...Лавину огня обрушили фашисты на деревню Тарасово, где расположились наши воинские части. Враг захватил Минск и рвался вперед, поливая свинцом каждую ложбину. Все пути для подвоза боеприпасов для наших войск были отрезаны. Командование приняло решение: выходить из окружения, оставив в деревне тяжелораненых под наблюдением военврача Кургаева.

Первые минуты в этом страшном госпитале, с содрагающими от взрывов снарядов и мин стенами и потолком, Филипп Федорович чувствовал себя, как на тонущем корабле. Кажется, повторишь еще одна такая встряска, и рухнет крыша. Отчаяние и злорадия теснили грудь. Он — один среди мечущихся в жару и бреду людей, без медикаментов и инструментария. Чем он сможет помочь раненым? «Хирург без скальпеля», — мрачно думал он. — Во так ситуация!».

В полночь старшему лейтенанту Туровцу стало плохо. Кур-

гаев осмотрел раненого и сердце его сжалось. Так и есть: нужна срочная операция! Что предпринять? Нет обезболивающих средств, нечем оперировать. Разве что перочинным ножом... Да, другого выхода нет и раздумывать некогда.

...Раненый на столе. В руках колхозницы Ядвиги Францевны Лапицкой слабо мерцает керосиновая лампа. Женя и Леонид Жизневские — здешние комсомолки, держат простыню над раненым. Сгиснув зубы, Филипп вонзает перочинный нож в кровоточащую рану. Осколок большой и его с трудом удается подцепить.

В эту же ночь Кургаев оперировал старшину Т. А. Максимова и врача третьего ранга Н. Л. Степанова.

К утру по его приказанию всех раненых подстригли, командиров и комиссаров переодели в гражданскую одежду. Здраво оценивая обстановку, многие раненые советологи Филиппу Федоровичу:

— Уходи, доктор, в лес, нас все равно не спасешь, а сам погибнешь.

Кургаев не покинул товарищей. На второй день существования госпиталя ворвались в деревню фашисты. Группа солдат во главе с офицером пришла в госпиталь.

— Встать! — заорал офицер.

— Снять повязки! — последовал новый приказ. Те, кто мог

сидеть, стали разматывать бинты, остальные молча ждали своей участи. Офицер подскочил к старшему лейтенанту Туровцу и с силой выбил подставку из-под раненой ноги. Тот крикнул от резкой боли. Потом фашист кинулся к старшине Максимова. Тот лежал на носилках с перебинтованной грудью и тяжело дышал.

Гитлеровцы искали среди раненых комиссаров и командиров, но не нашли. Они были уверены, что без специализированной хирургической помощи, медикаментов раненые погибнут и поэтому оставили их. Но враг просчитался. На помощь военврачу пришли советские люди. В первые же дни оккупации в Тарасово и на близлежащей станции Ратомка была организована подпольная группа во главе с военным врачом Ф. Ф. Кургаевым и председателем Тарасовского колхоза «Красный пахарь» В. И. Лошицким.

Подпольщики собирали в соседних деревнях наволочки и простыни, использовали их для перевязки. Колхозница Софья Антоновна Василевская не раз ходила на базар в Минск и там скупала марлю, а Мария Ивановна Пикулик и Ядвига Францевна Лапицкая по заданию Кургаева выменивали на продукты йод. Бывший колхозный завхоз Ефим Артемьевич Ильченко заботился о питании больных.

Суровые испытания, выпавшие на долю советских людей, сплотили их, сроднили. Каждый думал о спасении раненых и меньше всего о самом себе. Когда требовались сложные операции, а их было немало, Филипп Федорович Кургаев укладывал раненого на крестьянскую повозку и с кем-нибудь из местных жителей отправлялся в оккупированный Минск, чтобы там в больнице прооперировать больного.

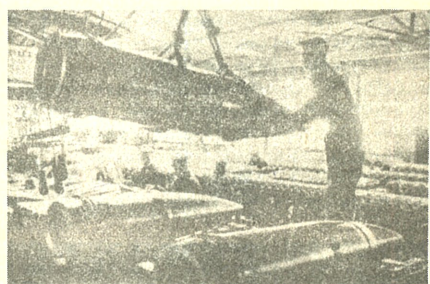
За девять месяцев в Кургаевском госпитале восемьдесят бойцов и командиров поправили свое здоровье. С помощью патриотов их переправили в партизанские отряды.

Наступил апрель 1942 года. Филипп Федорович с последней группой выздоровевших готовился уйти в лес, но осуществить этот замысел не удалось.

По доносу провокаторов ночью в Тарасово нагрянули гестаповцы и арестовали руководителей и многих членов подпольной группы. В их числе был и Кургаев.

Ни допросы, ни пытки не сломили волю подпольщиков. Никто не выдал товарищей. Все они остались верны своему долгу, Родине. На рассвете 3 апреля 1942 года их расстреляли.

Л. ЖУК.

ОБОРОННОЕ ОБЩЕСТВО

В ГОДЫ ВОЙНЫ

ПОД РУКОВОДСТВОМ Коммунистической партии оборонное общество, как массовая патриотическая организация трудящихся, с самого начала своего существования проводила огромную работу по обучению широких масс трудящихся военным знаниям, воспитанию в советских людях беззаветной преданности Родине, готовности к отпору империалистическим агрессорам, по претворению в жизнь ленинских идей о защите социалистического Отечества.

Широкая патриотическая деятельность оборонного Общества в предвоенные годы сыграла немалую роль в подготовке советского народа, нашей молодежи к битвам Великой Отечественной войны. К началу 1941 года Осоавиахим подготовил около 400 тысяч летчиков, парашютистов, связистов, снайперов, моряков, кавалеристов, шоферов, других военных специалистов.

В первый дни войны родилась одна из наиболее массовых форм участия советских людей в вооруженной борьбе против гитлеровских захватчиков — народное ополчение.

В тяжелые для страны дни, летом и осенью 1941 года, было сформировано 60 дивизий, 200 отдельных полков, другие подразделения народного ополчения. Многие из этих частей целиком состояли из осовиахимовцев, прошедших военную подготовку в учебных подразделениях оборонного Общества.

На 1 августа 1941 года в осовиахимовских организациях прошли ускоренную военную подготовку 683272 будущих

бойца. В том числе около 1700 снайперов, почти 10 тысяч станковых пулеметчиков, более 5600 связистов, около 9 тысяч кавалеристов и других специалистов. К сентябрю 1941 года в организациях оборонного общества обучалось военному делу более 7 миллионов человек.

Деятельность оборонного Общества в каждый период войны имела свои особенности. Если в ее начале, особенно в первые месяцы после нападения фашистской Германии на нашу страну, для организаций Осоавиахима наиболее характерным было участие в укомплектовании уже подготовленными в военном отношении кадрами регулярных и ополченческих частей и соединений, партизанских отрядов, то в последующие периоды перед Обществом выдвигались задачи по подготовке в широких масштабах военнообученных резервов для регулярной действующей армии, мобилизации всех сил на оказание помощи фронту.

К концу 1943 года при первичных организациях Осоавиахима насчитывалось 37200 учебных подразделений, в которых постоянно велось военное обучение членов общества и трудящихся страны.

В 1944 году по сравнению с 1941 годом организации Осоавиахима обучали пулеметчиков почти в 30 раз больше, снайперов — в 16 раз, минометчиков — более чем в 8 раз.

За годы войны осовиахимовские аэроклубы подготовили 40800 пилотов, 16800 парашютистов, 5150 планеристов. Всего за годы войны организации Осоавиахима обучили более 9 миллионов граждан

различным военным специальностям.

Призыв Центрального Комитета партии развернуть всенародную партизанскую борьбу в тылу врага горячо поддержали организации оборонного Общества. Многие осовиахимовские учебные подразделения целиком вливались в партизанские отряды.

Одно из партизанских соединений в Белоруссии возглавил активист Осоавиахима Ф. И. Павловский. За мужество и отвагу в боях с немецко-фашистскими захватчиками он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Совет народных комиссаров СССР в июле 1941 года возложил на Осоавиахим ответственность за организацию всеобщей обязательной подготовки населения к противовоздушной обороне. Согласно этому распоряжению к концу 1941 года в организациях Осоавиахима прошли подготовку к противовоздушной и противохимической защите около 85 миллионов советских граждан.

За годы войны Осоавиахим передал для оснащения Красной Армии боевой техникой свыше 272 миллионов собранных рублей, на которые было построено 19 эскадрилий боевых самолетов, 20 танковых колонн, несколько боевых кораблей. Только за первые полгода войны осовиахимовские организации страны перечислили в фонд обороны 120 миллионов рублей, передали в действующую армию более 148 тысяч теплых вещей.

и Курском, на Волге и Днепре. Они участвовали в освобождении Варшавы и Праги, штурмовали Кенигсберг и Берлин. Многие из них отмечены высшими наградами Родины.

Из 104 советских воинов, которые дважды удостоены звания Героя Советского Союза, половину составляют воспитанники оборонного Общества. Более трети летчиков, ставших Героями Советского Союза, получили свою первоначальную подготовку в школах и клубах Осоавиахима. В их числе выдающиеся воздушные асы — трижды Герои Советского Союза А. И. Покрышкин и И. Н. Кожедуб.

Вот что говорил Александр Иванович Покрышкин о роли Осоавиахима в подготовке кадров авиаторов: «Мы никогда не забудем, что именно с летных полей оборонного Общества сделали первые шаги в просторы пятого океана».

Среди героев Великой Отечественной войны, питомцев Осоавиахима — представители и других родов войск, партизаны и подпольщики. Это снайперы Людмила Павличенко и Василий Зайцев, пулеметчик Николай Шашкин, автоматчик Унану Аветисян, комиссар партизанского соединения С. В. Руднев и многие тысячи других прославленных героев.

Благородная патриотическая деятельность оборонного Общества снискала всенародное признание. 27 января 1947 года Осоавиахим СССР был награжден орденом Красного Знамени. В последние годы оборонное Общество, которое стало называться ДОСААФ, достойно продолжает традиции Осоавиахима, с честью выполняет задачи по военно-патриотическому воспитанию трудящихся и молодежи, пропаганде и развитию технических и военно-прикладных видов спорта, активно содействует укреплению обороноспособности страны.

Признанием больших заслуг оборонного Общества перед Родиной явилось награждение его в январе 1977 года второй правительственной наградой — орденом Ленина.

В. ЛОКТИОНОВ,
председатель комитета
ДОСААФ МГМИ.

ВОТ УЖЕ почти сорок лет прошло с той поры, когда в мае 1945 года отгремели последние залпы Великой Отечественной войны. Но интерес к истории этой войны не иссякает и сегодня. И хотя накоплена колоссальная литература — научная, художественная, мемуарная и т. д. — «белых пятен» все еще немало.

К сожалению, этим нередко пользуются определенные силы в своих заведомо неблагоприятных целях. Сужу об этом по характеру вопросов, поступающих от студентов, по их высказываниям и суждениям. Так, совсем недавно на семинаре по истории второй мировой войны вдруг разгорелись страсти, вспыхнула дискуссия о роли немецко-фашистских властей в белорусском национальном возрождении в годы оккупации. При этом упор делался на молодежные «национальные» организации.

Как рассеять иллюзии, убедить своих молодых оппонентов в их заблуждениях, опыт уже был.

Года два назад целый поток (150 студентов) откровенно недоверчиво отнесся к лекциям и семинарам по истории героической борьбы большевиков с царизмом в условиях подполья. Тогда и родилась идея экскурсии в Центральный исторический архив Белоруссии. Представители всех групп потока из числа наиболее авторитетных студентов ознакомились с первоисточниками, подлинными документами партийных комитетов и групп, жандармско-полицейской документацией, а потом про все увиденное собственными глазами рассказали товарищам. И таким образом недоразумения и сомнения отпали.

На этот раз экскурсию организовать не удалось, т. к. в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства соответствующие материалы еще не переданы на общее хранение.

Но мне была предоставлена полная возможность ознакомиться со всеми без исключения фондами периода войны. И я буду писать только о том, что содержится в документах, ими подтверждается и не вызывает сомнений.

Основная масса сведений почерпнута из дел «Союза белорусской молодежи» (ф. 385) и «Генерального комиссариата Белоруссии» (ф. 370). Несомненный интерес представляют также фото- и кинодокументы. Сохранились, например, сотни кадров, которые запечатлели руководящих деятелей «Союза» в обществе кровавого палача белорусского народа гауляйтера В. Кубе, его преемника Готтберга, высших офицеров СС, СД, вермахта. Аккуратно, с чисто немецкой педантичностью отсняты и сохранились до наших дней церемонии награждения изменников и пособников фашистскими медалями, их участие в торжествах по случаю «побед великой Германии» и т. д. и т. п.

Изученные материалы не оставляют ни малейшего сомнения в том, что так называемый «Союз белорусской молодежи» был профашистской организацией, призванной стать надежной опорой оккупантов. Гитлеровцы надеялись с помощью тотальной обработки молодежи в духе фашистской идеологии одурманить ее, изолировать от народа, привлечь к активному сотрудничеству в борьбе против партизан и подпольщиков, готовить из них резерв «солдат новой Европы» и дешевых трудовых сил.

В ход были пущены изощренная ложь, обман, подкуп. Видная роль отводилась и заигрыванию, демагогическим лозунгам «возрождения белорусской нации, белорусской культуры, белорусского национального духа». И все это обильно маскировалось исторической символикой.

Кто же были те жалкие отщепенцы, которые, выставя себя защитниками белорусского народа, на деле вместе с захватчиками его истребляли?

И сегодня подробно изведе-

сны о немногих. Пожалуй, лишь главная злоедающая фигура Михаила Ганько, шефа руководящего штаба «союза» освещена более или менее полно. Составленный в обозе гитлеровской армии этот «деятель» белорусского возрождения за верную службу фюреру был удостоен трех фашистских медалей. Такие же две медали получила из рук оккупантов Надежда Абрамова, заместитель М. Ганько по работе с девушками.

В архиве среди прочих документов сохранилась ее автобиография, написанная в мае 1943 г. Родилась она 12 апреля 1907 г. в Минске в семье учителя рисования. Отец родом из Петербурга, мать — белоруска. В 1940 г. с отличием закон-

чила Минский государственный медицинский институт по специальности детская дефектология и была оставлена в аспирантуре при кафедре психиатрии. Будучи в начале войны призванной в военно-полевую госпиталь в Поставах, к месту службы так и не явилась. С первых дней оккупации, работая в одной из больниц Минска, все свободное время, по ее собственному признанию, посвящала «воспитанию молодежи в антисоветском, профашистском духе». С октября 1942 г. возглавила, что называется, на общественных началах молодежный сектор Белорусской народной самопомощи. Ее холуйское рвение было в конце концов замечено хозяевами и с весны 1943 г. приказом Кубе она была зачислена в штат оккупационной администрации с оставлением на врачебной работе.

Именно этой ренегатке первой пришла в голову идея о создании в помощь палачам белорусского народа союза молодежи, и она 15 ноября 1942 г. обратилась с тщательно разработанным проектом непосредственно к Кубе. Однако в тот момент оккупанты чувствовали себя еще уверенно и лакейские услуги были отвергнуты.

Однако спустя уже несколько месяцев ситуация на советско-германском фронте резко обострилась. Сокрушительное поражение под Сталинградом, нарастающие удары партизан и подпольщиков вынудили фашистскую администрацию наряду с усилением репрессий, искать и новые формы удержания в повиновении населения захваченных территорий. Именно этим обстоятельством и объясняется заявление Кубе на секретном совещании нацистских главарей 10 апреля 1943 г. о необходимости организации в интересах Германии особого союза из местной молодежи.

Спустя несколько недель это предложение было реализовано. Официальное открытие «Союза белорусской молодежи» состоялось 22 июня 1943 г. в Минском городском театре и транслировалось по радио на всю Белоруссию. «Основателем и опекуном» «Союза», «великим другом белорусского народа, заложившим фундамент под национальное возрождение Белоруссии», был объявлен Кубе.

Показательно, что три последних часа своей жизни 21 сентября 1943 г. этот палач и садист провел именно среди главных руководителей «союза». Да и речи, которыми обменивались Кубе и Ганько более чем красноречивы. Приведем небольшие выдержки из них. «Белорусский народ», — заявил генеральный комиссар, — должен также согласно воле фюрера получить свою собствен-

ную вольную жизнь. Но этой воли никто не получает даром, для нее надо работать и сражаться... Жду от вас верности, послушания и присяги, что отдадите все свое наилучшее за Беларусь и фюрера». В ответ на это требование шеф «союза» заявил следующее: «Белорусские девушки пойдут с охотой работать, а юноши возьмут в случае надобности оружие... Мы отчетливо осознаем, что национальная Беларусь возможна только на стороне и при помощи Германии Адольфа Гитлера».

Можно привести и много других «откровений» оккупантов и их лакеев, которые не оставляют и тени сомнения в истинном назначении и целях «союза». Тот же Ганько не раз назойливо повторял одну и ту же мысль: «Мы, белорусы, имеем

отличия. При встречах и прощаниях предписывалось воздевать вверх правую руку с кличем «Живе Беларусь».

На средства оккупационных властей издавался ежемесячный журнал под двучленным названием «Живе Беларусь». Его главным редактором числился М. Ганько. Кроме того, материалы о «союзе» регулярно помещали на своих страницах многие газеты, издававшиеся в то время, такие как «Белорусская газета», «Голас вёскі», «Пагоня» и др. Всячески пропагандировало эту организацию и радио.

«Союз» располагал учебными центрами по подготовке руководителей (Альбертин под Слонимом, Дрозды), опорными базами и лагерями по обучению своих членов. Подающие надежды будущие «борцы с большевизмом» направлялись нередко на экскурсии в рейх.

Конечно, часть детей и подростков (и их родители) оказались обманутыми беспардонной демагогической кампанией и добровольно вступили в «союз». Но таких было немного. Все же главным средством вербовки новых членов было насилие. Приведем в подтверждение циркуляр, подписанный неким Пустом из генерального комиссариата от 4 декабря 1943 г., направленный в Минский окружной комиссариат: «Союз белорусской молодежи должен охватить всю молодежь в возрасте от 10 до 18 лет. Я должен констатировать, что как раз ученики действующих школ не заявили о своем вступлении в Союз белорусской молодежи.

Я считаю безусловно необходимым, чтобы как раз молодежь, которая благодаря немецким вооруженным силам и немецкому руководству может продолжать обучение, выполняла образцовую службу в Союзе белорусской молодежи.

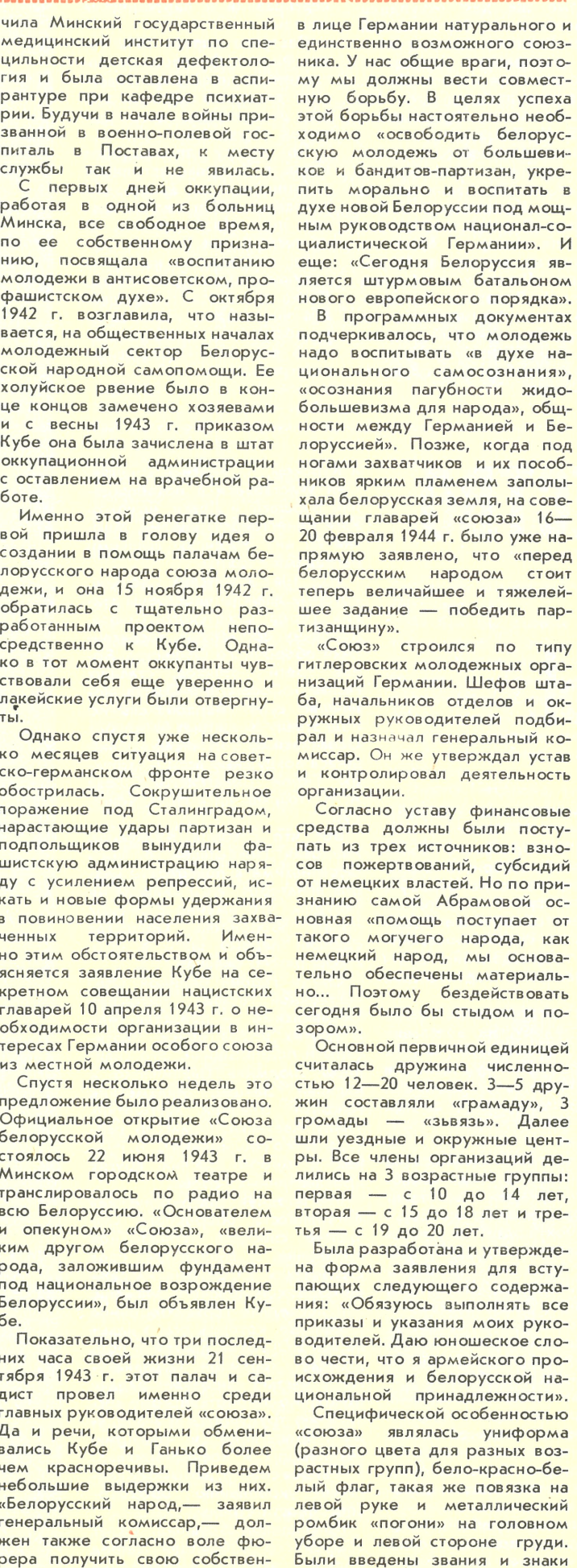
Я прошу дать указание вашему окружному школьному инспектору, чтобы он издал подчиненному ему учительству приказ, из которого бы следовало, что ученики, о которых идет речь, как только достигнут 10-летнего возраста и которые посещают школу, заявили бы о своем вступлении в Союз белорусской молодежи».

Но всевозможные ухищрения, запугивания и угрозы, давление на родителей особых успехов оккупантам и их наймитам не принесли. На 1 июня 1944 г. в «союзе» числилось лишь 4127 юношей и 3974 девушки. А всего в его рядах перебивало 12635 детей и подростков.

Практические результаты деятельности также были более чем скромными. Ганько, Абрамова и их подручные добились кое-каких успехов лишь в западных районах, вошедших в состав Белоруссии только за 2 года до войны. Так, они хвастливо трубили об участии союзников дружин Новогрудского и Глубокского округов в карательных акциях против партизан. Записывали они в свои заслуги и вербовку части молодежи на работы в Германию, выдачу гитлеровцам некоторых десятков патриотов и др. А вот попытки вовлечь белорусских юношей в так называемую военную вспомогательную службу (дружинники СС, наземная охрана в германских ВВС) окончилась провалом.

Крах гитлеровской вероломной затеи с «Союзом белорусской молодежи» был определен активной политической и боевой деятельностью партизан и подпольщиков. Патриоты уже 22 июня 1943 г., т. е. в день объявления «союза» подожгли в здании городского театра мощную мину, которая взорвалась, правда, чуть позже намеченного срока, и поэтому было уничтожено только 13 оккупантов и их пособников. ЦК ЛКСМБ лишь с июля по декабрь 1943 г. переправил в тыл 5 наименований листовок-обращений, предпринял ряд других мер пропагандистского и контрпропагандистского характера, засылал в ряды «союза» комсомольцев-подпольщиков.

Э. САВИЦКИЙ, доцент кафедры политической истории МГМИ.

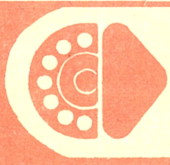
Следующий номер газеты выйдет 18 мая.

Редактор В. А.ГУЗОВСКИЙ.

СОВЕТСКИЙ МЕДИК

220600
пр. Дзержинского, 83,
корп. 6.

Телефон
78-20-12

Газета набрана с применением фотонаборного комплекса «Каскад». Отпечатана офсетным способом на Минской полиграфической фабрике «Красная звезда» МППО им. Я. Коласа. 220079, Минск, 1-й Загородный пер., 3.

Зак. 1972.

Тираж 3000 экз.